

ОЛЛИ ЭШ

**Фиктивный брак
и курицы**

Олли Эш

Фиктивный брак и курицы

«Автор»

2026

Эш О.

Фиктивный брак и курицы / О. Эш — «Автор», 2026

Граф Седрик Ренье разорён, одинок и готов умереть в своей пустой усадьбе. Лаура — избалованная аристократка, которую брат отправляет "проучиться жизни" в фиктивном браке с ним. Она не умеет топить печь, он не умеет разговаривать. Впереди — год в разрушенном имении без слуг и нормальной еды. Но из трех базарных яиц, купленных на последние деньги, вылупляются цыплята. Из холодного молчания рождается тепло. А из фиктивного брака — настоящая любовь. Останется ли она, когда год закончится? И сможет ли он её отпустить? От ненависти до любви — один год. И три курицы.

© Эш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто выжил	5
Глава 2. Последнее письмо	7
Глава 3. Дрова	10
Глава 4. Первый ужин	12
Глава 5. Спор	15
Глава 6. Трактир	17
Глава 7. Плата	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олли Эш

Фиктивный брак и курицы

Глава 1. Тот, кто выжил

Говорят, род Грайфов разорился, старый барон все проиграл в карты.

Это была первая новость, которую Седрик услышал, когда через год вернулся в опустевшее имение. Люди в деревне отводили глаза, шептались по углам, но никто не сказал всей правды. Никто не посмел.

Правда была страшнее.

Отец Седрика, граф Ричард Ренье, не был игроком. Он был птицеводом. Чудаком, который вместо балов и охоты пропадал в птичнике, возился с кормами, записывал в толстые тетради температуру яиц и привередливость несушек. Мать, Елена, сначала ворчала, а потом сама втянулась — помогала, записывала, лечила заболевших кур отварами по бабушкиным рецептам.

К тридцатому году их брака у Ренье была уникальная порода. Мясо — белое, нежное. Купцы приезжали за сотню вёрст, выстраивались в очередь, платили тройную цену. Имение процветало.

Седрик рос в этом мире — пахнущем сеном, пером и мамиными пирогами. Он знал каждую курицу, помнил, какая любит гречиху, а какая — просо. Но отец хотел для него другой судьбы.

— Ты будешь учиться, — говорил он. — Управлять имением — это не курам хвосты крутить. Это счета, налоги, переговоры. Ты должен стать лучше меня.

Седрик уехал в город. Писал письма раз в неделю, получал ответы — ровные, спокойные, чуть скупые. «Всё хорошо. Учись. Мама кланяется».

Он не знал, что в это время его сосед, Карл фон Грайф, спускал в карты последнее.

Фон Грайф был из тех людей, у которых всегда слишком много амбиций и слишком мало ума. Он хотел жить как в столице, а доход имел как в захолустье. Долги росли, кредиторы наступали на пятки, и тогда он придумал план.

Земли Ренье примыкали к его владениям. Если бы они разорились, можно было скупить всё за бесценок, продать часть, расплатиться с долгами и ещё остаться с прибылью. Оставалось только убрать конкурента.

Яд в корм подсыпали ночью. Просто, дёшево и почти недоказуемо. Птицы началидохнуть — сначала по десять, потом по двадцать, потом по сотне. Отец метался, не понимая, что происходит. Он пробовал менять корма, звал ветеринаров, поил кур отварами. Ничего не помогало.

Мать держалась две недели. А потом сердце остановилось прямо на кухне, когда она месила тесто для пирогов.

Седрик приехал на похороны.

Помнит, как отец стоял у гроба — высохший, почерневший, будто сам уже наполовину умер. Помнит, как обнимал его и шептал:

— Я вернусь. Через полгода. Только доучусь. Ты держись, слышишь? Не сдавайся.

Отец кивнул. Молча.

А потом писал письма. Ровные, спокойные: «Всё налаживается. Новых кур завёл. Учись, сынок».

Седрик верил.

Глава 2. Последнее письмо

Письмо от Марфы пришло в середине мая, когда Седрик сдавал очередной экзамен.

Старая служанка писала коряво, с ошибками, но смысл был ясен до дрожи: «Барин плох совсем. Приезжайте, батюшка, не ровен час».

Он бросил всё и выехал той же ночью.

В имение въехал на рассвете. Увидел заросший двор, заколоченные окна, пустой птичник с провалившейся крышей. И понял, что врать отец умел не хуже, чем кур разводить.

Ричард лежал в своей комнате — там, где раньше сживал над дневниками. От него осталась половина: кожа да кости, обтянутые жёлтой пергаментной кожей. Глаза провалились, губы потрескались.

— Сын... — прошептал он, когда Седрик опустился рядом на колени. — Ты приехал.

— Я же обещал, папа. Через два месяца. Ты только потерпи.

Отец слабо покачал головой.

— Не потерплю, сынок. Отходил своё.

— Не говори так.

— Правду говорю. — Старик закашлялся, долго, надсадно. — Ты прости меня. Не сберёг. Ничего не сберёг. Ни мать, ни дело...

— Это ты меня прости. Я не приехал раньше. Я поверил твоим письмам.

— Я хотел как лучше. — Глаза отца наполнились слезами. — Думал, сам справлюсь. Думал, ты доучишься, потом приедешь, а тут уже всё хорошо. А оно вон как...

— Кто? — спросил Седрик. Голос сел, стал чужим. — Кто это сделал?

— Грайф. Карл фон Грайф. — Отец выдохнул это имя, как приговор. — Он в карты проигрался, земля ему наша понадобилась. Корм отравил. Я узнал, когда уже поздно было. Мать... она из-за этого...

Он не договорил. Захрипел, забился, и Седрик сжал его руку, чувствуя, как уходит тепло.

— Я всё верну, папа. — Он говорил быстро, почти не помня себя. — Я всё восстановлю. И птицу твою, и дом. Ты только не уходи.

Отец посмотрел на него — ясным, на удивление ясным взглядом.

— Живи, сынок. Просто живи.

И закрыл глаза.

Через три дня Седрик похоронил отца.

Этьен приехал на второй день, как узнал. Молча встал рядом, стоял с другом на отпевании, нёс гроб. А когда засыпали землю, положил руку на плечо.

— Поехали ко мне.

— Нет.

— Хоть поешь. Поспишь нормально.

— Нет, Этьен. Оставь меня.

Этьен оставил. Но через месяц вернулся.

Кабак был дешёвый, прокуренный, с липкими столами и кислым пивом. Этьен специально выбрал такой — чтобы не было стыдно сидеть молча. Седрик пил третью кружку и не говорил ни слова.

— Ты как вообще? — осторожно спросил Этьен.

Молчание.

— Работу ищешь?

Молчание.

— Седрик, так нельзя. Ты уже месяц взаперти. На себя посмотри — кожа да кости. Седрик поднял глаза. В них было что-то такое, от чего Этьену стало не по себе.

— Я сказал, оставь меня.

— А я сказал, так нельзя. Ты решил сдать, как отец?

Кружка разлетелась вдребезги об стол. Седрик вскочил, опрокинув лавку. Несколько человек обернулись, но, увидев его лицо, отвернулись обратно.

— Не смей, — прошипел он. — Не смей говорить про отца.

Этьен не шелохнулся, глядя на него снизу вверх.

— А что мне говорить? Ты второй месяц гниешь заживо. Слуг распустил, в доме холод, жрать нечего. Марфа тебя тайком кормит, как бездомного котёнка. Ты думаешь, отец этого хотел?

Седрик смотрел на него, тяжело дыша. Рука, разбившая кружку, кровоточила, но он не замечал.

— Иди к чёрту, Этьен.

— Уже был. — Этьен встал, положил на стол несколько монет. — Дверь открыта. Если надумаешь жить дальше — приходи. Работа найдётся.

И ушёл.

Седрик стоял посреди кабака, глядя на кровь, капающую на грязный пол.

Правду говорил Этьен. С ним осталась только Марфа — та самая, что написала письмо. Она жила в деревне, имела свою избу, корову и была непреклонна.

— Не пойду я никуда, — заявила она, когда Седрик попытался прогнать и её. — Вы без меня пропадёте. И не смотрите так, барин, я видала взгляды и пострашнее.

Она приходила три раза в неделю: приносила хлеб, молоко, варёную картошку. Иногда просто сидела на кухне, вязала и молчала. Седрик не прогонял. У него не было сил прогонять.

Он перестал считать дни.

Окна заколотил, потому что свет резал глаза. Ел, только когда Марфа ставила тарелку перед носом. Не брился, не мылся, не выходил во двор. Лежал на кровати отца, смотрел в потолок и думал о том, что всё кончено.

Птичник пуст. Дневники отца пылятся в сундуке. Мать не испечёт больше пирогов.

И есть только одна мысль, которая греет: скоро это закончится. Совсем.

На шестьдесят третий день со дня смерти отца Седрик проснулся и понял, что больше не может лежать.

Не потому, что захотел жить. А потому, что сил не осталось даже на то, чтобы умереть.

Он встал. Пошатываясь, дошёл до рукомойника. Посмотрел в мутное зеркало — оттуда глядел чужой мужик с впалыми щеками и безумными глазами.

— Ты или сейчас поедешь, — сказал он себе вслух. Голос прозвучал хрипло, чуждо. — Или не встанешь больше.

Он оделся. Вышел во двор. Солнце ударило по глазам, пришлось зажмуриться.

Потом сел на лошадь и поехал к Этьену.

Этьен встретил его на крыльце.

Стоял, облокотившись на перила, с неизменной кружкой кофе в руке. Смотрел, как Седрик подъезжает, спешивается, идёт к нему — медленно, будто каждый шаг стоит нечеловеческих усилий.

Под глазами — тени. Щёки впали. Руки дрожат.

Этьен окинул его взглядом — быстрым, цепким, ничего не пропускающим.

— Заходи, — сказал он. — Есть дело.

И Седрик вошёл.

Глава 3. Дрова

Солнце только поднялось, но уже припекало — то самое утро, когда понимаешь, что лето наконец вступило в свои права. Лаура вышла во двор, щурясь от яркого света и вдыхая тёплый воздух с запахом скошенной травы.

В доме брата было душно после дороги. Хотелось расправить плечи, размять ноги, просто побыть на воздухе после трёх дней тряски в карете.

Она сделала несколько шагов по двору — и остановилась.

Во дворе слышались удары топора. Мужчина колот дрова.

Солнце стояло прямо за его спиной, и фигура работника казалась чёрным силуэтом, вырезанным из света. Широкие плечи, разворот корпуса, взмах — удар, взмах — удар. Размеренно, сильно, почти красиво.

Лаура залюбовалась, сама того не замечая. Было в этих движениях что-то первобытное, настоящее, чего она никогда не видела в городских гостиных.

— Кто это? — спросила она у Этьена, который как раз вышел на крыльцо с неизменной кружкой кофе. — Новый работник?

Этьен глотнул кофе, прищурился на солнце и усмехнулся — той самой своей ухмылкой, которую Лаура знала с детства.

— Это мой друг.

— Друг? — Она удивилась. — Ты заставляешь друга колоть дрова?

— Ему полезно размяться.

Лаура не поняла, но спрашивать дальше не стала. Вместо этого шагнула ближе, разглядывая незнакомца.

Он был одет просто — простая холщовая рубашка, закатанные рукава, тёмные штаны, сапоги. Но что-то в его осанке, в том, как он держал спину, как разворачивал плечи при каждом ударе, выдавало породу. Так не стоит наёмный работник. Так стоит человек, привыкший носить другое — мундир, фрак, что угодно, только не рабочую рубашку.

Тёмные волосы падали на лоб, и он то и дело смахивал их тыльной стороной ладони, не прекращая работы. Руки двигались легко, с видимой силой — каждый удар топора вгонял колун в полено ровно, без лишнего напряжения.

Лаура поймала себя на том, что разглядывает его слишком пристально, и отвернулась.

— Этьен, кто это всё-таки? — спросила она тише, чтобы не услышал незнакомец.

— Седрик. — Этьен допил кофе и поставил кружку на перила. — Сосед. Помнишь, я тебе рассказывал?

Лаура вспыхнула.

Она помнила. Бедный сосед, разорившийся аристократ, которому её брат вместо нормальной помощи подкидывает жалкие гроши за чёрную работу. Она даже представляла его — сгорбленного, забитого, с потухшим взглядом, в обносках, стыдящегося своего падения.

А этот...

Она снова посмотрела на мужчину с топором. Широкие плечи обтянуты рубашкой, влажной от пота на спине. Руки — сильные, с рельефными мышцами, которые перекачиваются под кожей при каждом движении. Загар на лице и шее — ровный, здоровый, не похожий на бледность затворника.

Он выглядел лучше, чем многие знакомые ей городские франты. В нём чувствовалась сила. Живая, настоящая, налитая каждодневным трудом.

— Ты заставляешь ГРАФА колоть дрова?! — вырвалось у неё громче, чем она хотела.

Седрик замер.

Он обернулся на голос.

И Лаура увидела его лицо.

Красивое. Твёрдые скулы, прямой нос, чёткая линия губ. И глаза — тёмные, глубокие, но совершенно пустые. Так смотрят люди, которые пережили что-то такое, после чего внутри остаётся только выжженная земля.

Он посмотрел на неё ровно секунду. Потом перевёл взгляд на Этьена, коротко кивнул — то ли здороваясь, то ли благодаря за что-то — и снова повернулся к поленнице.

Взмах. Удар. Треск.

— За тарелку похлёбки и горсть медаков, — спокойно сказал Этьен у неё за спиной. — Я не даю ему подачек.

Лаура резко обернулась к брату.

— Ты жесток!

— А ты наивна. — Этьен улыбнулся, но в глазах его была серьёзность. — Он сам пришёл просить работу. Любую. Если бы я дал ему денег просто так, он бы не взял. А если бы взял — возненавидел бы себя ещё больше. Ему нужно двигаться. Нужно чувствовать, что он на что-то годен.

— Но он же граф...

— Граф, у которого не осталось ничего. Ни семьи, ни дома, ни денег. Только гордость, которая его чуть не убила. — Этьен вздохнул. — Поверь мне, сестра. Я знаю, что делаю.

Лаура снова посмотрела на Седрика. Он колот дрова, не обращая на них внимания. Каждое движение было точным, выверенным, почти медитативным.

— Сколько он здесь работает? — тихо спросила она.

— Пару недель. Приходит утром, уходит вечером. Ест со слугами, ночует у себя. Деньги берёт, потому что договорились, но, кажется, тратит только на еду для старой служанки, что за ним приглядывает.

— Марфы?

— Ты уже знаешь? — Этьен удивился.

— Слуги говорят.

— Ах да. У слуг языки без костей. — Он усмехнулся. — Ладно, идём завтракать. Он ещё долго будет тут стучать.

Лаура ещё раз взглянула на Седрика. Взмах. Удар. Треск.

Что-то в этом звуке заставляло сердце биться чаще.

Она развернулась и быстро пошла в дом. В комнате, закрыв дверь, она прижалась спиной к косяку и прикрыла глаза.

«Граф колет дрова за похлёбку. Боже мой».

И почему-то перед глазами всё стояли его глаза. Пустые, тёмные, страшные в своей пустоте.

Лаура стояла у двери и слушала, как во дворе мерно стучит топор.

Глава 4. Первый ужин

После обеда Этьен уехал по делам, и Лаура целый день просидела в своей комнате, пытаясь читать, но мысли то и дело возвращались во двор — туда, где под солнцем мерно взлетал и опускался топор.

Она не видела, когда Седрик ушёл. Просто в какой-то момент стук прекратился, и во дворе стало тихо. Лаура поймала себя на том, что прислушивается, ждёт, не начнётся ли снова, а потом рассердилась на себя и захлопнула книгу.

К вечеру она спустилась в гостиную. Этьен уже вернулся и сидел в кресле с какими-то бумагами.

— Ужинать будем через час, — сказал он, не поднимая глаз. — Я пригласил Седрика.

Лаура удивлённо вскинула брови:

— Он согласится?

— А почему нет? — Этьен отложил бумаги и посмотрел на неё. — Он мой друг, а не прокажённый. Или ты против?

— Я ничего не говорю.

— Ты вся горишь, — усмехнулся брат. — Ладно, иди приведи себя в порядок. И постарайся не сверлить его взглядом весь вечер.

— Я не сверлю!

— Сверлишь. Я видел утром.

Лаура вспыхнула и вышла, но в дверях остановилась — услышала голоса.

Этьен говорил с кем-то в прихожей. Она не разбирала слов, но тон был спокойный, ровный. Потом шаги, и голос Седрика — низкий, чуть хрипловатый:

— Ты уверен?

— Сядешь со мной за стол? — ответил Этьен.

Пауза.

— Ты не перестал быть мне другом, — тихо сказал Этьен. — И я всё ещё жду, что ты возьмёшь себя в руки.

Лаура замерла. Ей вдруг стало стыдно подслушивать, но уйти она не могла.

— Иди умойся, — продолжал Этьен уже обычным тоном. — Рубашка чистая есть?

— Найду.

— Тогда через полчаса.

Шаги Седрика — тяжёлые, медленные — удалились в сторону чёрного хода. Лаура выдохнула, хотя не замечала, что задерживала дыхание.

Она спустилась в столовую ровно через полчаса — нарочно задержалась, чтобы не прийти слишком рано и не создавать неловкости.

Седрик уже сидел за столом.

Лаура замерла в дверях, разглядывая его. Он был неузнаваем. Умыт, причёсан, в чистой белой рубашке — простой, без кружев и вышивки, но опрятной и явно дорогой. Наверное, та, что осталась от прежней жизни.

Волосы ещё влажные, тёмные пряди зачёсаны назад, открывая высокий лоб и резкие скулы. И руки — эти руки, которые она целый день представляла с топором, — сейчас спокойно лежали на столе. Широкие ладони, длинные пальцы, сбитые костяшки, свежие мозоли.

Он поднял глаза.

Их взгляды встретились.

Лаура почувствовала, как сердце пропустило удар. Глаза у него были всё те же — тёмные, глубокие и совершенно пустые. Но сейчас в этой пустоте мелькнуло что-то. Узнавание? Любопытство? Она не успела понять.

Он коротко кивнул — всё тем же движением, что и утром — и опустил глаза в тарелку.

Лаура прошла к своему месту напротив и села, стараясь не шуметь.

Этьен появился через минуту, уселся во главе стола и кивнул слуге. Начали подавать ужин.

Никто не сказал ни слова.

Слышно было только, как звякают вилки о фарфор, как скрипит стул, когда кто-то меняет позу, как тихо потрескивают свечи в канделябрах.

Лаура украдкой рассматривала Седрика. Он ел медленно, сосредоточенно, будто выполнял важную работу. Отламывал хлеб маленькими кусочками, тщательно пережёвывал, не поднимая глаз. В каждом его движении чувствовалась сдержанность — не робость, а именно контроль. Будто он боялся позволить себе лишнее.

Раз или два их взгляды встречались, но он тут же отводил глаза. Не потому, что стеснялся — скорее, потому что ему было всё равно. Лаура была для него просто частью обстановки, как этот стол или свечи.

И от этого почему-то становилось обидно.

Она разглядела морщинки в уголках его глаз — ранние, не по возрасту. И тонкую белую полоску шрама на скуле, почти незаметную. И то, как он сжимает челюсть, когда проглатывает очередной кусок.

«Он как натянутая струна», — подумала Лаура. — «Только непонятно, что будет, если она лопнет».

Ужин кончился.

Седрик аккуратно положил вилку, промокнул губы салфеткой и встал.

— Спасибо, — сказал он Этьену. Голос прозвучал ровно, без эмоций. — Завтра приду.

— Завтра воскресенье, — отозвался Этьен, откидываясь на спинку стула. — Отдыхай.

Седрик усмехнулся — одними уголками губ, без веселья.

— Я уже наотдыхался. Приду.

Он коротко кивнул обоим и вышел. Лаура смотрела ему вслед, пока дверь не закрылась.

В окно было видно, как его фигура появилась во дворе, прошла через освещённый круг от фонаря и растворилась в темноте, уходя по дороге к разорённому поместью.

— Ты мог бы дать ему лошадь, — тихо сказала Лаура, не оборачиваясь.

Этьен, не поднимая глаз от бумаг, которые принёс с собой:

— Мог бы.

— Но не даёшь.

— Но не даю.

Лаура резко обернулась:

— Ты жесток, Этьен.

— Я знаю. — Он поднял на неё спокойный взгляд. — Но он не возьмёт. Я бы не взял на его месте.

— Ты? — усмехнулась Лаура. — Ты бы не отказался от лошади, если бы она была нужна.

— Кто знает? — Этьен пожал плечами. — Но если бы мне предложили не помощь, а чужую жалость, она бы встала мне поперёк горла. А ему — тем более.

Лаура открыла рот, чтобы возразить, и закрыла.

Она вспомнила взгляд Седрика. Пустой, но гордый. Такой, что слова застревают.

— Иди спать, сестра, — мягко сказал Этьен. — Завтра новый день. А он, — кивнул на окно, — завтра снова придёт колоть дрова. И будет приходить, пока не решит, что готов к большему.

— А если не решит?

— Решит. — Этьен вернулся к бумагам. — Я его знаю.

Лаура постояла ещё минуту, глядя в тёмное окно, за которым скрылся Седрик.

Потом тихо поднялась к себе.

Она долго не могла уснуть — всё думала о человеке, который идёт сейчас пешком по тёмной дороге в пустой дом. О его руках со сбитыми костяшками. О его глазах, которые смотрели сквозь неё.

И о том, что завтра утром снова будет стучать топор.

Глава 5. Спор

Прошло три дня с того первого ужина. Три дня, в течение которых Лаура исправно выходила во двор каждое утро — и каждый раз видела одну и ту же картину.

Седрик колот дрова.

Он приходил с рассветом, когда она ещё пила утренний чай в своей комнате, и уходил с закатом, когда солнце уже золотило верхушки деревьев. Иногда она видела его мельком — когда шла в сад или возвращалась с прогулки. Он всегда был занят делом: то колот, то таскал брёвна, то чинил рассохшуюся калитку в дальнем конце двора.

Ни разу он не поднял на неё глаз.

Ни разу не кивнул, не поздоровался, не подал вида, что вообще её замечает.

Лаура знала, что это глупо, но его равнодушие задевало. Она привыкла, что мужчины обращают на неё внимание — в городе, на балах, в гостях. А тут какой-то разорившийся граф, колющий дрова за похлёбку, смотрит сквозь неё, будто она пустое место.

— Ты опять на него смотришь, — заметил Этьен за завтраком, не поднимая глаз от газеты.

— Я не смотрю. Я просто... задумалась.

— Ты смотришь. Третий день подряд. Если хочешь с ним познакомиться поближе, могу позвать к ужину.

— Не надо! — Лаура вспыхнула. — Я просто не понимаю, как ты можешь так с ним поступать.

Этьен отложил газету и внимательно посмотрел на сестру:

— А что именно я, по-твоему, делаю?

— Ты пользуешься его бедой! — выпалила Лаура. — Он же твой друг! А ты платишь ему копейки за чёрную работу, как последнему батраку!

— Он сам попросил работу. Любую.

— И ты дал ему самую тяжёлую и грязную!

— Я дал ему ту работу, которую он смог бы делать, не думая. — Этьен говорил спокойно, будто объяснял ребёнку прописные истины. — Когда человек хочет забыться, ему нужно занять руки. Чтобы голова отключилась. Его задачи для этого подходят идеально.

— Ты просто оправдываешь свою жестокость!

— Я помогаю ему ровно настолько, чтобы он не умер с голоду, но не настолько, чтобы он перестал бороться. — Этьен подался вперёд, и его лицо стало серьёзным. — Если бы я дал ему денег просто так, знаешь, что бы он сделал?

Лаура молчала.

— Он бы взял. Потому что гордость не позволила бы отказаться — ведь он должен выжить. А потом он бы возненавидел себя за это. Стал бы пить, чтобы заглушить ненависть. Или повесился бы в своём пустом доме, потому что чувство собственного ничтожества сожрало бы его изнутри.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю Седрика. — Этьен откинулся на спинку стула. — Мы выросли вместе. Я видел его отца — такого же гордого, такого же упрямого. И я видел, как он сломался, когда умерла жена. Седрик сейчас в той же точке. Либо он выберет жизнь, либо смерть. И моя задача — сделать так, чтобы у него был шанс выбрать жизнь.

Лаура слушала, сжимая в руках салфетку.

— Ты просто... — начала она, но Этьен перебил:

— А ты, сестра, не знаешь настоящей жизни. — Он внимательно посмотрел на неё. — Ты росла в тепле, в заботе, в достатке. Тебя никогда не гнула нужда, не ломала потеря, не добивала безысходность. Ты судишь о людях по книгам и по тому, что тебе рассказывали гувернантки.

Лаура вспыхнула:

— Это неправда! Я не такая наивная, как ты думаешь!

— Правда. — Этьен покачал головой. — Вот скажи, ты хоть день прожила как простые люди? Поработала бы на кухне, помогла Зое стряпать? Подоила бы корову, вымыла полы, постирала бельё? Хоть раз в жизни ты делала что-то своими руками?

— Я... — Лаура запнулась.

Она хотела возразить, но вдруг поняла, что возразить нечего. Она действительно ничего не делала. Вся жизнь за неё всё делали слуги.

— Вот видишь. — Этьен усмехнулся, но без злости. — Ты даже не представляешь, что такое настоящий труд. А судить берёшься.

— А вот возьму и поработаю! — выпалила Лаура, вскакивая. — И докажу тебе, что я не такая уж наивная!

— Где? На кухне у Зои?

— В трактире! — вырвалось у неё. — Пойду в трактир подавальщицей! Вот тогда посмотрим, кто прав!

Этьен расхохотался.

Лаура сжала кулаки. Она ненавидела, когда над ней смеялись.

— Давай, — сказал Этьен, отсмеявшись. — Только потом не плачь.

— И не подумаю!

Она развернулась и выбежала из столовой, хлопнув дверью так, что звякнула посуда на буфете.

Этьен проводил её взглядом, покачал головой и снова взялся за газету.

— Зоя, — позвал он негромко. Вошла кухарка, вытирая руки о фартук. — Присмотри за ней. Если надумает дурить — не мешай, но глаз не спускай.

— А что задумала барышня? — осторожно спросила Зоя.

— Хочет жизнь узнать. — Этьен усмехнулся. — Пусть узнаёт. Только ты проследи, чтобы всё обошлось.

Зоя кивнула и вышла.

А Лаура уже сидела в своей комнате, лихорадочно соображая, где взять простую одежду. Она докажет. Всем докажет. И брату, и этому молчаливому графу, и всему миру.

Лаура перебирала платья, выбирая самое простое, и злилась на брата, на Седрика, на весь мир.

И на себя — за то, что не может ничего возразить.

Глава 6. Трактир

Этьен уехал на рассвете. Лаура слышала стук копыт, когда ещё лежала в постели, и поняла: сейчас или никогда.

Она ждала этого момента два дня. Делала вид, что смирилась, что забыла про их спор, что её вообще не интересует мнение брата. Но внутри всё кипело.

Она докажет.

Вчера вечером она тайком стащила у Зои старую юбку и кофту — простые, грубые, пахнущие дымом и луком. Спрятала под кроватью. Долго не могла уснуть, всё представляла, как вернётся вечером и бросит Этьену в лицо: «Вот видишь! Я справилась! А ты сомневался!»

Сейчас, когда брата не было, она оделась быстро, накинула тёмный платок и, крадучись, выскользнула из дома.

Солнце только поднялось, двор был пуст. Лаура почти добежала до конюшни, когда услышала мерный стук топора.

Седрик.

Он стоял у поленницы, как всегда. Рубаха закатана до локтей, волосы падают на лоб, спина блестит от пота. Он обернулся на звук её шагов и замер.

Увидел. Узнал.

Лаура на мгновение застыла под его взглядом — тяжёлым, хмурым, на этот раз не пустым, а очень даже живым. Он смотрел на её одежду, на платок, на то, как она крадёт к конюшне, и в глазах его читалось: «Ты что задумала, дурочка?»

Лаура вздёрнула подбородок, отвернулась и почти бегом нырнула в конюшню. Через минуту она уже вывела лошадь — старую, смирную кобылу, на которой обычно ездили за продуктами.

Седрик проводил её взглядом до самых ворот. Потом выдохнул сквозь зубы и снова взялся за топор.

Не его дело. Пусть катится куда хочет.

Но топор почему-то больше не слушался. Взмах — мимо. Ещё один — щепка отлетела в сторону.

— Тьфу, — выругался Седрик и воткнул топор в чурбак.

В этот момент из кухни выскочила Зоя. Запыхавшаяся, красная, сжимая в руках мокрую тряпку.

— Барин! — закричала она ещё издали.

Он обернулся.

— Что случилось?

— Госпожа моя! Лаура! Уехала! — Зоя подбежала, хватая его за руку. — Я только на минуту отвернулась, а она — юбку мою стащила, платок, и в конюшню! Этьен уехал, а она одна, в городе одна, что ж теперь будет-то?!

Седрик посмотрел в сторону ворот, за которыми скрылась Лаура.

— Куда поехала?

— В трактир, барин! Она говорила позавчера с братом, спорила, кричала, что докажет! Что в трактир пойдёт подавальщицей! Я думала, шутит, а она...

Седрик сжал челюсть.

Дура. Какая же дура.

— Лошадь есть?

— В конюшне, барин, кобыла осталась...

Он уже не слушал. Широким шагом направился к конюшне, на ходу застёгивая рубаху. Через минуту вывел лошадь, вскочил в седло и выехал со двора, даже не оглянувшись.

Зоя смотрела ему вслед, прижимая тряпку к груди.

— Господи, помоги, — шептала она. — Господи, спаси...

Трактир «Весёлый кабан» стоял на въезде в город — двухэтажный, бревенчатый, с прокопчёнными стенами и вечным запахом дешёвого пива. Седрик знал это место. Когда-то они с Этьеном заезжали сюда после охоты, пили эль, смеялись.

Теперь он стоял у окна и злился. Злился на себя. На Лауру. На Этьена, который не уследил за сестрой. На весь белый свет.

Внутри трактира, за мутным стеклом, мелькала её фигура. Она носилась между столами с подносом, улыбалась посетителям, что-то говорила. И выглядела при этом такой довольной, такой гордой собой, что Седрику хотелось войти и встряхнуть её как следует.

«Я тут, понимаешь, жизнь свою по кускам собираю, а она в игры играет».

Он провёл рукой по лицу, чувствуя, как под пальцами колется щетина. Бриться надо. И спать надо. И жрать надо нормально, а не кусками, которые Марфа суёт. И не сидеть здесь, карауля чужую дуру, потому что её брат вовремя не приедет.

Где носит Этьена? Седрик надеялся, что тот скоро объявится и сам разберётся со своей сестрицей. Он уже почти решил уехать, когда увидел, как к трактиру подъезжает телега, гружёная тюками.

Трое мужиков слезли с неё, громко переговариваясь. Купцы, судя по одежде. Заезжие. Уже поддатые.

Седрик насторожился.

Мужики ввалились в трактир, и через минуту он услышал гогот даже через закрытое окно.

«Ничего страшного, — сказал он себе. — Посидят, выпьют, уедут. Она справится».

Но сам не двинулся с места.

И не спускал глаз с окна.

Внутри трактира было душно и шумно. Лаура носилась между столами уже второй час и, честно говоря, начала уставать. Ноги гудели, спина ныла, а от запаха жареного лука уже подташнивало.

Но она держалась.

Хозяин трактира, толстый мужик с красной рожей, покосился на неё, но ничего не сказал — работники нужны были всегда. Посетители сначала оглядывали её с любопытством, но быстро теряли интерес. Просто ещё одна подавальщица.

К обеду Лаура даже расслабилась. «Ничего сложного, — думала она, ставя очередную кружку перед бородатым мужиком. — Подумаешь, трактир. Ерунда. А Этьен ещё смеялся».

Она уже представляла, как вечером вернётся домой, гордая и уставшая, и скажет брату...

— Эй, красавица! — раздалось сбоку.

Лаура обернулась.

За столом в углу сидели трое. Те самые, что вошли недавно. Один — рыжий, с мясистым носом — поманил её пальцем.

— Поди сюда, краля. Пива нам неси. Да поживей.

Лаура вздохнула, взяла кувшин и подошла.

— Пиво, — сказала она, ставя кружки.

Рыжий схватил её за запястье.

— А погоди-ка. Чего такая неласковая? Посиди с нами.

— Отпустите, — Лаура дёрнула руку. — Я работать должна.

— Работа подождёт. — Второй, худой, с противной ухмылкой, встал и загородил ей дорогу. — А мы с тобой поболтать хотим. Ты откуда такая красивая?

Лаура почувствовала, как холодеет внутри.

— Я сказала, отпустите.

— А если не отпустим? — Рыжий дёрнул её на себя, и она чуть не упала на стол. — Что тогда, птичка?

Третий, молчаливый, с масляными глазками, уже поднимался из-за стола.

— Пойдём-ка наверх, — сказал он. — Там поговорим.

— Нет! — Лаура рванулась, выдернула руку, но худой тут же схватил её за плечо. — Отпустите! Помогите!

Она оглянулась на трактир. Люди сидели за столами, пили, ели, смеялись. Кто-то мельком глянул в их сторону — и отвернулся.

Никто не вставал.

Никто не спешил на помощь.

— Зря кричишь, — усмехнулся рыжий. — Тут свои порядки. Чужие бабы — ничьи. Верно, мужики?

Худой и молчаливый заржали.

Лауру схватили под руки и потащили к лестнице. Она брыкалась, кричала, царапалась — бесполезно. Они были сильнее.

— Наверх её! — командовал рыжий. — Там разберёмся!

В голове Лауры билась одна мысль: «Это конец. Это конец. Это...»

И в этот момент дверь трактира распахнулась.

Глава 7. Плата

Дверь хлопнула с такой силой, что грохотом прибило всё звуки в трактире.

Седрик стоял на пороге. Рубаха расстёгнута, грудь тяжело вздымается, взгляд — холодный, стальной, от которого у Лауры подкосились ноги.

— Отпустите девушку, — сказал он негромко, но в наступившей тишине услышали все. Рыжий скривился, но руку с локтя Лауры не убрал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.